
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО
АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА:
НА ПУТИ
К «КРАСНОМУ КОЛЕСУ»

Материалы Международной научной конференции
Москва, 7–9 декабря 2011 года

Жизнь и творчество Александра Солженицына:
на пути к «Красному Колесу»: сборник статей / сост. Л.И. Сараскина.
М. : Русский путь, 2013. С. 17–27

Москва
РУССКИЙ ПУТЬ
2013

Гульнара Алтынбаева
Саратов

ОКОЛОЛИТЕРАТУРНАЯ СРЕДА НАЧАЛА XX ВЕКА В «КРАСНОМ КОЛЕСЕ» А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

В «повествование в отмеренных сроках» «Красное Колесо» Александр Исачевич Солженицын включает не только подробное изложение истории русской революции — не менее важны для писателя образы эпохи начала XX века, предшествовавшей и во многом предопределившей трагические страницы истории России минувшего столетия.

В «Ответном слове на присуждение литературной награды Американского Национального Клуба Искусств» Солженицын сказал: «Сотрясательная революция, прежде чем взорваться на улицах Петрограда, взорвалась в литературно-художественных журналах петроградской богемы. Это — там мы слышали сперва и уничтожающие проклятия всему прошлому российскому и европейскому бытию, и отметание всяких нравственных законов и религий, призывы к сметению, низвержению, растоптанию всей предыдущей традиционной культуры, при самовосхвалении отчаянных новаторов, так и не успевших, однако, создать что-либо достойное»¹.

Особый интерес представляют фрагменты, описывающие окололитературную среду: образы критиков, издателей, журналистов, работа газет, издательств, типографий, пресса начала века, театр, кинематограф.

Беседуя со студентами-славистами в Цюрихском университете (1975), Солженицын подчёркивает: «<...> всегда исторический романист, чем дальше он берёт эпоху, тем больше он подпадает под возможность ошибки, и совершает эту ошибку. Он не может вот этой спайки событий взять, верно передать то, что я называю “воздух эпохи”, — воздух, которым там дышат... <...>»².

«Воздух эпохи» в «Красном Колесе» передаётся через особое настроение в окололитературных кругах, через то, как само время формировало новый тип критика. Описание деятельности пролетарских критиков занимает в «повествование» важное место. Акцент сделан на их пути в революцию. Человеком неограниченных способностей показан «зоркий» критик Матвей Рысс с «узнаваемым слогом» («<...> умел он грозно писать, аж пожар по строкам, — и для врагов уничтожительно, и для нас ободряюще»³). Он «так быстро мог прочесть, охватить, объяснить материал», поэтому справедливо назван Вероникой её «руководителем в новой жизни». Но самое большое восхищение вызы-

вала быстрота его письма, более того, он был членом литературной коллегии ПК. «Он был — специалист по листовкам. Он садился и почти за час уже начисто мог горячим, убедительным слогом призвать массы или выйти на улицу (“бросайте душные своды тюрем труда!”), или напротив — не выходить (“не дайте прежде времени пролить на питерские мостовые свою драгоценную рабочую кровь!”) <...>. Можно признать, что в этих устоявшихся выражениях не хватало литературного вкуса, но какой напор! — он захватывал лёгкие» (9; 450–451). Черты Матвея Рысса повторяются в солженицынском рассказе «Настенька» в герое Шурке Гене, главным для Настеньки носителе информации о новых течениях в литературе 20-х годов.

В судьбе критиков отражаются судьбы поколения рубежа XIX–XX веков. Любопытно, что методы и способы работы пролетарских критиков и журналистов напоминают современные PR-технологии.

Кроме того, для А.И. Солженицына способом передачи «воздуха времени» становится воспроизведение, казалось бы, напрямую не связанных с сюжетным развитием «повествования» споров интеллигенции, разговоров в литературно-художественных кружках и объединениях, воссоздание общекультурной обстановки, бытовых подробностей.

Именно на примере диспутов дома у поэтов З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского Солженицын демонстрирует, как «сотрясательная революция» предвзвешенно свершилась в спорах «петроградской богемы».

Дом на углу Сергиевской и Потёмкинской («штаб искусства на Сергиевской») был средоточием новостей и событий, происходивших в Петербурге каждую минуту. «Через эти окна простым глазом была видна вся Революция <...>. А ещё был — неумолчный дребезг телефона, приносивший вести с разных концов столицы, и всё от людей выдающихся» (14; 522). Не раз подчёркивается, что «люди выдающиеся» из среды искусства и политики приходили сюда не только для бесед и обсуждения текущих политических и культурных событий. «А ещё же — кто не считал за честь переступить порог этой квартиры и обменяться душевными эманациями с её обитателями?» (14; 522–523). Хозяева дома, особенно хозяйка, были инициаторами политических споров и обсуждений на перспективу: «А беседы лились тут эти три недели почти непрерывно: события настолько сотрясали, настолько багряно освещали души и горизонты, что онемели их перья <...>» (14; 523). Увлечённость стремительным ходом истории России («Свершилось! Нам оказалось суждено, что не удалось декабристам. <...> Опьянение правдой Революции! Печать богоприсутствия на лицах. Влюблённость в свободу, не дарованную, но взятую. Можно бояться, можно предвидеть и каркать — но этих наших предвесенних морозных белоперистых дней Революции уже никто у нас не отнимет. Огненная радость» (14; 523–524)), жажда неограниченной свободы не позволили им до конца трезво оценить те необратимые последствия, которые ждали и Россию, и весь её народ. Солженицын видит, что Гиппиус, Мережковский

и их окружение, осознавая, как под воздействием революции «нервно пульсировал шар Искусства», и сами призывая «работать со сверхчеловеческой энергией», чтобы «проявить себя с новой силой», неосмотрительно соучаствовали в мировом зле — «Красном Колесе». «Вихри революционных событий все тут прокручивались и прожигались через их души и под их окнами» (14; 524). Обвинение Солженицына справедливо: они «<...> прежде всего были обязаны перед Искусством, ибо, в конце концов, его самостоятельный ход часто определяет и всю историю» (там же).

Кроме того, Солженицын воссоздаёт атмосферу домашних салонов, которые были тогда популярны. Хозяйкой одного из них была Сусанна Иосифовна Корзнер.

Её способность «замечательно слушать всегда» располагала к откровенным разговорам. «За ужинами у Корзнеров собирались по десяти и по двадцати, и весьма известные люди <...>. Весь круг Корзнеров составил большое расширение её (Алины. — Г.А.) мира — знаменитости, яркости, среди них вырастаешь» (9; 101). Из этого следовал и круг обсуждавшихся вопросов: «Перед разговорами за корзнеровским столом притихали заботы армейского попечительства и даже интересы искусства» (там же). Свобода общения не только создавала благоприятную атмосферу дружеских разговоров, но и способствовала остроте суждений и иногда чрезмерным высказываниям. Здесь анализировались политические и экономические события, «тут давали волю гневу на трагикомические стеснения прессы», «давали волю остроумию», «обсуждались и деловые планы», «всему искали причину» (9; 102). Но, проследив судьбу Сусанны, мы видим, к чему приводят эти «разговоры». В «Апреле Семнадцатого» читаем: «<...> все тутошные гости нескрывтно ликовали в революционные недели <...>» (16; 19).

Почувствовать «воздух времени» в «Красном Колесе» и есть цель моей основной работы. Уже выполнен фрагмент, характеризующий образ русской литературы рубежа XIX–XX веков⁴. Теперь предстоит подробно остановиться на прессе первой половины XX столетия, которая для Солженицына очень значима именно как передающая воздух эпохи. Это вдвойне важно, так как, готовя к печати тридцатитомное Собрание сочинений, Солженицын доработал «Красное Колесо». Изменения коснулись именно газетных страниц. Об этом говорил сам художник: «Смысл доработки был: освободить текст от второстепенных исторических подробностей, фрагментов, избыточных газетных цитат <...>» (1; 9). Наталия Дмитриевна Солженицына также обращает на это внимание в интервью 2007 года: «Изменения касаются главным образом “Марта...” и “Апреля...”». Суть — освобождение от избыточной информации. По преимуществу в “газетных” главах. <...> Александр Исаевич ими увлекался. <...> В газетах было столько ярких деталей! Но такой объём трудно воспринять. А у автора не было сил на ужатие: мы уже спешили в Россию. Началась перестройка. И Солженицын с “Апрелем...” очень торопился. Года два назад он

провёл серьёзную редактуру. 5–7% объёма автор отсёк. К явному облегчению чтения. Но изменений сути, иного взгляда на траекторию Красного Колеса там нет»⁵. Об этом Наталия Дмитриевна говорила на конференции «Жизнь и творчество Александра Солженицына: на пути к “Красному Колесу”» (7–9 декабря 2011 года).

Отвечая на вопросы цюрихских студентов, Солженицын подчеркнул: «Когда допросить свидетелей уже нельзя, потеряно, но лежат первоклассные свидетельства в виде прессы того времени. <...> У нас в стране газеты очень даже отвечали жизни. У нас в стране так: сегодня написано в газете, а завтра стреляют в затылок, сегодня сказано “надо уничтожить классового врага”, и в эту же ночь берут тысячами. Поэтому у меня совсем другая функция газет, у меня расположения законченные, связанные и вместе сюжетные. Я просто как бы даю ещё одному свидетелю — газете — помочь мне там, где мне не хватает свидетелей»⁶. А в «Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве» ещё добавляет, что функция русских газет выростала «благодаря особенностям русской жизни». «В истории раннего Советского Союза, да и позднего, газеты имели совершенно другое значение. Наши газеты были пулемётными очередями, фразы наших газет расстреливали и делали события. И когда я создаю газетный монтаж, то гораздо более строгий, подтянутый, композиционно сюжетный, потому что в этих моих газетных монтажах отражается ход истории самой»⁷.

В «Красном Колесе» выявляются поэтика и генезис прессы 10-х годов, содержится богатый газетный материал, позволяющий определить и проанализировать роль и функцию прессы в предреволюционное и революционное время.

Главы «Красного Колеса», состоящие только из фрагментов газет, маркированы Солженицыным значками “, “ и ” и практически не сопровождаются авторскими комментариями; важны выбор и монтаж цитат: материал говорит сам за себя. Некоторые главы имеют символические обозначения: «Что даёт чтение газет», «Опыт чтения зарубежных газет», «Белые пятна в газетах кричат», «Газетная отравка», «Изложение революционных событий по газетам», «Провинция по тогдашним газетам».

Обращает на себя внимание тот факт, что при передаче ключевых исторических событий в арсенале Солженицына одновременно присутствовало больше десяти различных печатных изданий. Конечно, во всём «повествование» газет и журналов гораздо больше. Только одних упоминаний названий около ста, и среди них не только русские издания. Кроме петербургских и московских, Солженицын включает в текст и русские провинциальные газеты, и грузинские, и украинские, и узбекские, а также европейские, азиатские, американские. Все они делятся по политической направленности (левые, правые, большевистские, эсеровские, монархические, социалистические, социал-демократические, черносотенные, кадетские) и по адресности (рабоче-крестьянские, правительственные, экономические, военные, епархиальные).

Газеты оцениваются и автором, и героями. Более того, складывается трёхмерный образ газет: постепенно в разговор включается и читатель. Таким образом, автор спроецировал в время рефлексии по поводу истории русской революции: прошлое (время героев, время событий), настоящее (время автора), будущее (время читателя).

Оценочные суждения героев о прессе включаются в общую полифонию времени, и именно их голоса порой становятся отрезвляющими для читателя, подпавшего под влияние газетно-листовочной многоголосицы.

Понимание того, как читали тогдашние газеты и «что даёт чтение газет» — один из этапов воссоздания воздуха эпохи: «Воспаряется типографский запах от газетных страниц, воспаряется кровавой и лекарственный запах от площади <...>» (7; 211–212); Ольда Андозерская «<...> травила себя чтением всех этих развёрнутых газет подряд» (13; 625); «<...> уже лет более пяти назад Варсонофьев окончательно осознал, что ни одна газета не может принести ни ему и никому никакого прояснения мысли, а лишь исплосить её, уповёрхностить или заострить в направлении партийном, — но, как курильщик или пьяница, не мог отказаться от этой страсти <...>» (10; 504).

В «Октябре Шестнадцатого», во время разговора с Нечволодовым, Воротынцева сказал: «<...> свобода выражения мнений должна быть. И какая-то форма для неё, Дума, газеты...» — и получил в ответ: «Да чья это свобода? <...> И сколько бы вы парламентов ни открывали — засядут всё юристы, а сколько бы газет — всё журналисты. И все вместе будут дружно гавкать на Россию. А Россия — молчать» (10; 433–434).

В «Марте Семнадцатого» заявленная проблема вновь вербализуется, но уже в высказывании Ардова, обращённом к Сусанне Корзнер: «Вы — читаете, вы — слышите, вы — отдаёте себе отчёт: ведь готовится предательство святой свободы!! Всё чаще — и откуда? совсем не от черносотенцев. Эти голоса, зовущие к предательству, раздаются в революционных газетах, печатаются открытые призывы — сбросить войну, как будто это... старое надоевшее пальто, нам стало жарко, тесно, и мы сбрасываем. Но войну — не сбросишь! О нет!» (14; 93).

Свобода прессы — один из постоянных акцентов Солженицына. Но возникает и очевидная параллель с его публицистическим высказыванием в «Зёрнышке» по поводу писателей, сумевших вырваться от режима и цензуры на Запад: «Развязались от внешних стеснений — а внутренних у них не оказалось»⁸.

Воспроизводя прения о свободе печати, «возгоревшиеся» в Совете рабочих депутатов, Солженицын показывает, как быстро было отклонено требование свободы печати для всех из-за опасений «печатной черносотенной и контрреволюционной агитации». «И Исполнительный Комитет принял <...> предложение: разрешать выпуск газет лишь в зависимости от их направления» (11; 709). Дальнейшие превращения «свободы» неизбежны. После Фев-

ральской революции сведения о жертвах всё больше «надлежало замалчивать во имя идолов свободы» (13; 626). При наличии власти освобождение от одних идолов приводит к созданию новых, ещё более жестоких. «Той мечтаемой свободной прессой сразу овладел гадкий тон угодливости» (13; 628). Глазами Ольды Андозерской мы видим и единство, и противостояние сил, и положительные стороны, и «мурлы» нового времени, отразившиеся на страницах газет, роль которых в революционное время была колоссальна:

«Газеты, газеты, газеты... Теперь, когда рухнуло Огромное, непоправимо, ничего уже, видно, не спасти, — оставалось знакомиться с новой жизнью. <...>

Пока не стали выходить газеты — была оскалена только дикая морда революции: на крыльях нарядных автомобилей и внутри них — мурлы, и наведенные на всех встречных дула, с прицелом по невидимому врагу. А из газет — полезла пошлость» (13; 625–626).

В «Красном Колесе» создаются по-замятински зримые портреты тогдашних газет: «Биржёвка» Проппера — «пошлейшая из пошлячек»; «биржевая акула» — «Русская воля»; «самовластные» «Биржевые ведомости»; «громовещательная» «Новая жизнь»; «блудливо молчащая» «Рабочая газета»; «хрипло дышащая» и «безтрепетная» «Правда»; «слабенькая» «Русская газета»; «мерзкие», «гадкие» «Известия СРД»; «правая» «Русская речь»; «подлые буржуазные газетёнки»; «безстыдные либеральные газеты»; «ничтожные швейцарские газеты» и др.

Газеты в «Красном Колесе» зазвучали, и их голоса соответствуют их портретам: «газетная болтовня», «газетная отравка», «крикливые» газеты; «заливались» газеты; газеты «раздули»; «газетная пакость»; «фонтанами били предположения» (16; 376); «подлые буржуазные газетки подняли патриотический визг» (14; 156); газеты «занимались <...> травлей»; «общий хор ненависти, глумления, поношения, проклятий» (14; 286); «приобретали грозную непрекословность, как будто катится беспощадный каток революции» (14; 361). Главная особенность заключена во фразе: «Ложь стала принципом газет с первых же дней их безудержной свободы. Впрочем, они не стеснялись ложью и до революции» (13; 626).

Газеты, журналы одушевляются, представляются как живой организм, активно реагирующий на происходящее. И здесь определяющим становится дух единства: «Но, увы, газеты не остановились на взаимном доверии, а поплыли, поплыли — о многолетнем искусственном сне России, о том, что все поражения идут от правительственного аппарата, — как прорвало: вдруг вся печать и все имеющие гласность стали требовать немедленных, во время войны, преобразований, разлития всяческой свободы — до полного оскпления государственной власти» (8; 363–364).

Но чем острее были происходившие события, тем сильнее нарастал дух соперничества, жажда лидерства. И здесь все средства хороши. Солженицын

обращает внимание на пагубное влияние погони за сенсацией, новостью. Крайним её проявлением была жёлтая пресса: «И то, что пишут они в газетах, так далеко от исконных русских представлений, как если бы два несхожих языка — и нет никаких переводов, и нет пути объясниться» (8; 339); «Судили о покойном (Столыпине. — Г.А.) газеты с той размашистой самоуверенной пошлостью, которую в XX веке никто не выразил так отъявленно, как журналисты» (8; 277).

Одна из главных функций прессы — информативная. И это в «Красном Колесе» отражено: в первые десятилетия XX века газеты выступали главным и временами единственным источником информации. И достоверность газет не подвергалась сомнению («То есть, конечно, Минск уже много знал — от проезжих и по слухам, но пока этого нет в газетах — это как бы не существует, плотина держит» (12; 315)). Неожиданное доверие к газетам мы видим у Сани, Ори, у Николая II, Ленина, у солдат, народа.

«<...> И газеты. Саня купил одну, подумал — и вторую, разворачивал их уже на ходу, а потом на лавочке у дачного перрона. Вопреки обычной степениности он не дочитывал сообщений, перескакивал по столбцам — и просветлялся. Хорошо, хорошо» (7; 15).

«А прошлым летом, в самое тяжёлое время русского отступления, когда изнывало орino сердце от русских потерь и от страха, что́ будет с Россией, ещё и попало ей в газетах о смертном подвиге медицинской сестры Риммы Ивановой <...>. Хотя и до этого потрагивала Оря свой винчестер и проверяла неубывшую меткость своей стрельбы, и до этого рисовала в воображении, как бы безстрашно вела себя на войне, но тут потянуло её вдсятеро» (10; 274).

«<...> Николай был всецело поглощён этой войной, прочитывал в английских газетах все подробности от первой до последней строки и радовался английским потерям <...>» (8; 336).

«Владимир Ильич побежал купить газет и шёл назад, читая их по дороге, обталкиваясь со встречными, тут присел на твёрдый чемодан, зажимая газетный ворох между локтями и коленями. В газетах не было особенно радостно <...>» (7; 209).

«В набитом трамвае солдат-санитар читает кадетскую “Речь” <...>. Санитар вслух солидарен с газетой, и многие пассажиры согласны» (14; 123).

«Местами в деревнях собирают в складчину копейки и посылают мужика в город — за газетой. Такую б газетину купить, где всё как след прописано» (14; 478).

Но одновременно всё нарастало и недоверие к газетным новостям, спор («Но мы (Марков. — Г.А.) не поверим голословным обвинениям, простым выдержкам из иностранных газет» (10; 478)), разочарование, недовольство прессой. Именно в этом была главная претензия к докладу Милюкова в Думе, так как написан он был на материале прочитанных газет («Нашёл он удобным, сильно действующим и тактически неуязвимым — цитировать иностранные

газеты, которые в поездках прилежно читал, и передавать тамошние слухи» (10; 404–405)).

Роль газет особенно возрастает на страницах «повествования», посвящённых самоподготовке Ленина в эмиграции к будущей революции. Для него «чтение газет — из главных ежедневных работ, это вход в жизнь мира. Чтение газет настраивает к ответственности, к упорству и к бою, даёт живое ощущение врагов» (10; 108). Он жадно изучал иностранную прессу, тратил на её покупку последние деньги.

Таким образом, одной из важнейших при изучении истории русской революции становится тема взаимодействия политики и прессы. Газеты, журналы — главные помощники в политической деятельности. В «Апреле Семнадцатого» словно звучит голос всех политиков: «Какой политический деятель (и к тому ж теоретик) не мечтал выпускать собственную газету? Получить аудиторию по всей стране, на которую никогда бы не хватило ни твоего слабого голоса, ни времени для поездок и выступлений. (Да и в заслоне газетных страниц выглядишь куда грозней и могущественней, ты уже не двуногий человек, ты — целый фронт!)» (15; 380).

С одной стороны, газета — трибуна для провозглашения речей, писем, воззваний, манифестов, с другой — средство агитации, манипулирования, воздействия. Болью Солженицына было то, что жертвой в этой борьбе оказывался русский народ («мужицко-солдатские мозги»), который и газет не читал, и политикой не интересовался, но тем губительнее было на него их влияние, так как «внушалась масса» и требовалось «захватить поддержку безсловесных масс» (15; 63).

В то же время парадоксально замечание Солженицына о постоянном соперничестве, соревновании между прессой и политикой, названном «общественно-парламентско-газетной игрой»: игра «становится увлечённым обманным шествием, карнавалом, перед тем как опрокинуться <...>» (11; 156). И политика, и газеты вынуждены балансировать, создавать благоприятные для обеих сторон условия для зарабатывания голосов, авторитетов, прибыли.

Насколько типографии, издательства, газеты были важны для политики, настолько они были выгодны и с коммерческой точки зрения. Солженицын находит этому явлению точное определение — «аукционы революции»: «Несколько дней в Петрограде не было регулярных газет. Вчера, едва московский поезд подошёл к петроградскому перрону, — к багажному вагону бросилась толпа артельщиков. Началось сражение, которое затем перенеслось к киоскам. За несколько минут московских газет не стало. Затем в течение дня они котировались на Невском как биржевые бумаги — по 100 и 1000 рублей за номер. У кафе “Пекарь” экземпляр “Русского Слова” был продан за 10 000 рублей директору товарищества “Жесть” Левенсону. Купившим газеты была устроена овация, потом их носили на руках» (13; 229).

Тотальной особенностью газет в переломные этапы русской истории была не только ложь, псевдодостоверность. Ещё больший резонанс получало их молчание («И замерла пресса, и замерли хоры <...>» (10; 483)), «белые пятна в газетах» («Со стола на стол передавали газеты. В них <...> зловеще и безпомощно зияли в колонках “белые места” — как прострельные раны в боках власти» (10; 460)).

Особенно показательны в этой связи временные отрезки, в центре которых — знаковые политические события, в частности покушение на Столыпина, речь Милюкова в Государственной Думе, Февральская революция, отречение Николая II и др. Результаты молчания газет не заставили себя ждать.

Первый — порождение и распространение слухов: «А газет не было, вместо них прикатывали слухи» (13; 549).

Из «Августа Четырнадцатого»: «Шли месяцы — и не только не был пролит яркий свет, и не только не было ничего опубликовано официально, но когда газеты время от времени печатали якобы подлинными куски предварительного следствия о своре Курлова (все четыре имени были уже широко известны и соединены), то редакторам грозили судебной ответственностью, если... материалы окажутся подлинными» (8; 304).

Из «Марта Семнадцатого» (от 27 февраля): «Но редакции газет, то одна, то другая, получали сногшибательные частные телефонные сообщения из Петрограда — и тотчас каждый такой телефон размножался по Москве двадцатью передачами к знакомым, а те звонили дальше, или им звонили из других мест, а тем временем из Петрограда подспевали ещё новые сообщения — и всё это закручивалось в живительно-будоражающий клубок. Даже если не верить половине этих телефонных известий, то и то было сверхдостаточно!» (11; 543).

Из «Апреля Семнадцатого»: «Газеты не печатались — и город наполнился слухами» (15; 164).

Второй результат — пагубное следствие первого: если восстанавливать ход истории только через газеты, то либо будут реальные даты смещены, либо сложится мнение, что ничего не происходило в это время. Опоздают новости: «Подождать публикации состава правительства в газетах? Но это — потеря ещё суток, да и уничтожит самый исторический момент объявления» (12; 646).

Третий результат — опасный: слухи выдаются в газетах за новости. «Пристрастие прессы: безответственно печатать эти клеветы и не опровергать потом <...>» (8; 155). Милюков «из утренних газет уже почерпнул сплетни» (16; 370).

Четвёртый — провоцирование анархии. Кривошеин (26 февраля 1917 года) «<...> сидел в углу прямоугольного большого дивана в кабинете, как бы ссунутый в угол, как бы беспомощный, белолицый, с повисшими, неподстриженными усами, — вот тут впервые понял Гика, насколько же серьёзное творится <...> Раскрыл “Вестник” сразу — и осматривал хмуро. И опять ворчал:

— Ничего не предпринимают... Три дня не утихает — власти не смотрят... Идём к анархии» (11; 255).

Предчувствия Воротынцева (1 марта 1917 г.):

«Что-то творилось! Если с раннего утра такое шествие? Надо будет газету достать. И пойти прочесть это объявление.

Сбежал вниз. Привратница сказала ему, что никаких газет нет второй день, а в городе — “бушуютъ”» (12; 287).

Стремясь понять и представить характер и мотивировки тогдашних газетчиков, вникнуть в суть политики печатных органов, автор прослеживает путь рождения, обновления некоторых из них. Например, «Новой жизни»: «Нет, теперь главное — газета! Открыл её Гиммер благодаря имени Максима Горького (деньги его, и кто жертвовал через него) — и сразу принял усилия, чтоб она стала перволинейной, и одновременно — боевой орган рабочего класса, и строго интернационалистская» (15; 384). Беря в партнёры Горького, привлекая имена «из литературного мира» («Ах, это будет блистательная плеяда! (Гиммер — не политическая вобла, он понимает, что значит Литература.)» (там же)), Гиммер рассчитывал таким образом привлечь побольше читателей, привлечь побольше будущих сторонников.

Знаково и решение модного тогда Леонида Андреева возглавить «Русскую волю». До конца, думается, и сам писатель не понял, какую он сыграл для народа губительную роль: выход газеты «Русская воля» символичен для того времени: «<...> “Русская воля” (“воля” не в смысле всеобщей распушенности, но повелительность к действию <...>)» (11; 177). Вслед за Андреевым «обещали сотрудничество другие крупные писатели, а банковские круги отпускали деньги не скупясь» (там же).

Во всех главах «по газетам» Солженицын не упускает случая процитировать тех писателей, которые не гнушались газетных статей и активно писали их в это время. «И в той же “Биржёвке” толпились печататься знаменитые литераторы» (13; 626). Желая высказаться, в газетах печатались Мережковский, Гиппиус, Философов, А. Толстой, Пришвин, Гнедич, Брик и др., тем самым увеличивая рейтинг изданий и прибыль их владельцев.

Без использования громких литературных имён, кажется, обошёлся только Лев Борисович Розенфельд-Каменев, кардинально «перестроивший» «Правду», но за ним стояла большая политика: «— Читайте сегодняшнюю “Правду”, её нельзя узнать. Это теперь — солидная, настоящая газета. Действительно, у неё был совсем неприличный тон, и репутация... Хоть закрывай совсем. Но я решил её перестроить» (14; 378).

Таким образом, Солженицын через прессу начала XX века показал силу влияния СМИ, масштабы их воздействия на человеческие массы. Медийные приёмы и уловки появлялись одновременно с выходом газет, а погоня за сенсацией всегда была «двигателем торговли» журналистов.

В заключение необходимо сказать, что анализ газетных фрагментов «Красного Колеса» — это лишь первый слой в решении поставленной в заглавии задачи охарактеризовать околосредовую среду начала XX века. Без по-

нимания значимости прессы в предреволюционное и революционное время невозможно в полной мере раскрыть другие слои окололитературной среды этого периода, важно в этой связи понимать характер влияния на них газет. Солженицын показал, каким образом газетные приёмы, стратегии преломлялись в сознании не только культурного, но и всех слоёв общества, расширяли «идеологическое поле»⁹. Всё вместе это и составило «воздух эпохи».

Примечания

¹ Солженицын А.И. Ответное слово на присуждение литературной награды Американского Национального Клуба Искусств» (Нью-Йорк, 19 января 1993) // *Солженицын А.И. Публицистика*: В 3 т. Ярославль: Верхняя Волга, 1997. Т. 3. С. 384.

² Солженицын А.И. Беседа со студентами-славистами в Цюрихском университете (20 февраля 1975) // *Солженицын А.И. Публицистика*: В 3 т. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1996. Т. 2. С. 219.

³ Солженицын А.И. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках // *Солженицын А.И. Собр. соч.*: В 30 т. М.: Время, 2008. Т. 12. С. 42. Далее цитируется это издание с указанием в скобках тома и страниц; сохранена авторская орфография и пунктуация.

⁴ См.: Алтынбаева Г.М. Русская культура рубежа XIX–XX веков в «Красном Колесе» А.И. Солженицына // *Русская литература XVIII–XXI вв.: В диалоге с литературным и культурным наследием*. Łódź: Primum Verbum, 2010. С. 291–301; она же. Эстетика и поэтика русской литературы XX века в теоретическом и художественном осмыслении А.И. Солженицына: Учеб. пособие / Под науч. ред. проф. Л.Е. Герасимовой. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2010.

⁵ Солженицына Н.Д. Красное колесо сменилось жёлтым: О главной книге Александра Солженицына и о наших днях; беседовала Елена Дьякова // *Новая газета*. 2007. 15 марта. Режим доступа: <http://2007.novayagazeta.ru/nomer/2007/02n/n02n-s36.shtml>. Загл. с экрана. Дата обращения: 01.10.2011.

⁶ Солженицын А.И. Публицистика. Т. 2. С. 222–223.

⁷ Там же. С. 436.

⁸ Солженицын А.И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания. Часть вторая (1979–1982) // *Новый мир*. 2000. № 9. С. 129.

⁹ См.: Солженицын А.И. Интервью с Бернаром Пиво для французского телевидения (31 октября 1983) // *Солженицын А.И. Публицистика*. Т. 3. С. 179.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя (<i>Л.И. Сараскина</i>)	5
--	---

ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Обращение Ю.С. Осипова к участникам конференции	9
Слово М.В. Сеславинского	11
Слово В.П. Лукина	13

ОТОБРАЖЕНИЕ И ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В «КРАСНОМ КОЛЕСЕ»

<i>Алтынбаева Гульнара (Саратов)</i> Окололитературная среда начала XX века в «Красном Колесе» А.И. Солженицына	17
<i>Бальзамо Елена (Франция)</i> «...Выполнять свой долг. На своём месте»: личность и исторический процесс в «Красном Колесе»	28
<i>Воли Дэвид (США)</i> Искусство и история в «Красном Колесе» А.И. Солженицына	40
<i>Глушковский Пётр (Польша)</i> «Красное Колесо» с точки зрения историка	52
<i>Гуськов Вячеслав (Благовещенск)</i> Образ Руси уходящей в исторической эпопее А.И. Солженицына «Красное Колесо»	60
<i>Климов Алексей (США)</i> Колебания вектора истории в «Красном Колесе»	72
<i>Махони Дэниел (США)</i> «Зацариться»: Николай II и грядущая революция	80

<i>Шепель Алексей (Санкт-Петербург)</i>	
Роман А.И. Солженицына «Август Четырнадцатого»: работа писателя с военно-историческими материалами	92
<i>Щедрина Нэлли (Москва)</i>	
«Красное Колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века	100
<i>Юозайтис Арвидас (Литва)</i>	
Реформатор П.А. Столыпин и консерватор А.И. Солженицын: точки исторического соприкосновения	112
ФИЛОСОФСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ	
<i>Гапоненков Алексей (Саратов)</i>	
Истинный и ложный консерватизм в «Красном Колесе» А.И. Солженицына	121
<i>Герасимова Людмила (Саратов)</i>	
Пневматология как свойство реализма А.И. Солженицына в «Красном Колесе»	132
<i>Джайтли Изабелла (Индия)</i>	
«О сопротивлении злу силою»: отражение идеи Ивана Ильина в «Красном Колесе»	141
<i>Перселл Брендан (Австралия)</i>	
Некоторые размышления о философской и теологической историографии в «Красном Колесе» Александра Солженицына	151
<i>Пивоваров Борис (Новосибирск)</i>	
Богоборчество как движущая сила революции: ответ «Красного Колеса»	169
<i>Понтузо Джеймс (США)</i>	
Феноменология религии в «Красном Колесе» Солженицына	185
<i>Проскура Еленa (Новосибирск)</i>	
Солженицын в восприятии Александра Шмемана	192
<i>Смыковская Татьяна (Благовещенск)</i>	
Духовное крушение или «найти Святого Духа»? (Пасхальные мотивы в «Красном Колесе»)	205
<i>Хутен Джессика (США)</i>	
Напоминание об истине Божией в «Красном Колесе»	216
<i>Эриксон Эдвард, мл. (США)</i>	
«Ничего нет выше любви»: религиозная составляющая «Октября Шестнадцатого»	223

«КРАСНОЕ КОЛЕСО»
И ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ

<i>Бочаров Сергей (Москва)</i> Россия и революция: от Тютчева к «Красному Колесу»	235
<i>Вахтель Эндрю (США)</i> Раздвигая границы пространства и времени: Андрич, Солженицын и проблема историзма	241
<i>Иванова Евгения (Москва)</i> «Последние дни императорской власти» А. Блока как комментарий к «Красному Колесу»	255
<i>Кибальник Сергей (Санкт-Петербург)</i> Г.И. Газданов и А.И. Солженицын	263
<i>Котельников Владимир (Санкт-Петербург)</i> Картина человека в «Красном Колесе»	267
<i>Сараскина Людмила (Москва)</i> В.В. Набоков и А.И. Солженицын в пространстве Больших Идей	276
<i>Спиваковский Павел (Москва)</i> Проблема релятивизма: Солженицын, Чехов, Достоевский и поиск истины	287
<i>Тюрина Галина (Москва)</i> Тема Москвы в «Красном Колесе»	294

ТВОРЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

<i>Вакамия Лиза Риоко (США)</i> «Дневник Р-17» и «Красное Колесо»: диалог автобиографии, литературы и историографии	305
<i>Ковтун Наталья (Красноярск)</i> Идея «сбережения народа» в ранних текстах А. Солженицына	313
<i>Лесур Франсуаза (Франция)</i> «Люби революцию»: пролог к «Красному Колесу»	328
<i>Роднянская Ирина (Москва)</i> Лирико-патетическое начало в «Архипелаге ГУЛАГ» (К сравнению задач двух эпопей Александра Солженицына)	337
<i>Сидор Моника (Польша)</i> Личность, общество, коллективный герой: трансформации модели героя в ранних произведениях А. Солженицына	347

ПОЭТИКА «КРАСНОГО КОЛЕСА»

<i>Аркатова Анна (США)</i>	
Система ключевых женских образов в эпопее А. Солженицына «Красное Колесо»	359
<i>Баршт Константин (Санкт-Петербург)</i>	
О нарративной структуре «Красного Колеса» А.И. Солженицына	370
<i>Ванюков Александр (Саратов)</i>	
«Красное Колесо» А.И. Солженицына: поэтика заглавия и структура повествования (Узел II. «Октябрь Шестнадцатого»)	387
<i>Дюран Клод (Франция)</i>	
Некоторые заметки об использовании пословиц в литературе, в особенности в русской литературе, в частности в «Красном Колесе» Александра Солженицына	406
<i>Ивамото Кадзухиса (Япония)</i>	
Ленин и Солженицын: идентификация автора «Красного Колеса» с героем	427
<i>Мелентьева Ирина (Москва)</i>	
Свет и тьма восьмой главы «Августа Четырнадцатого»	437
<i>Солженицына Наталия (Москва)</i>	
Картотека «Красного Колеса»: замысел и осуществление	442
<i>Темпест Ричард (США)</i>	
Фермопилы Георгия Воротынцева: солженицынская концепция мужественности	452
<i>Урманов Александр (Благовещенск)</i>	
«Саранча из бездны...» (Библейская символика в «Красном Колесе»)	462
<i>Хитрая Анна (Москва)</i>	
Художественное слово как форма выражения историософских воззрений А.И. Солженицына	474
<i>Шмелев Алексей (Москва)</i>	
Лингвистические мотивы в творчестве Солженицына: на пути к «Красному Колесу»	481
СОЛЖЕНИЦЫН И СОВРЕМЕННОСТЬ	
<i>Гальцева Рената (Москва)</i>	
По дороге «Красного Колеса» в обратную сторону, или Борьба на два фронта	499

<i>Жэнь Гуансюань (Китай)</i>	
«Красное Колесо» А. Солженицына в Китае	513
<i>Шляпентох Дмитрий (США)</i>	
«Красное Колесо» Солженицына: между эмоциями и реальностью	518
<i>Сараскина Людмила (Москва)</i>	
Неизбежность очерка о П.А. Столыпине в «Красном Колесе»	
А.И. Солженицына	533

ЗАКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Струве Никита (Франция)</i>	
Том за томом: заметки первоиздателя «Красного Колеса»	549